Мейерхольд Всеволод Эмильевич

22.2.96.

ВОКРУГ СНОВ

В гостях у Мейерхольда

Экран и сцена. – 1996. – 22-29 февр. – с. 6

Это началось лет пятнадцать назад. Каждый год второго февраля я ехала на Ваганьково к памятнику тому, кого – я знала – под этим надгробьем нет. А неделю спустя, десятого, отправлялась в центр и, по меньшей мере пару раз пробежав вдоль улицы Горького (бывш. Тверской) в поисках хоть какого-нибудь цветочка, сворачивала, наконец, на улицу Неждановой (бывш. Брюсовский переулок), к дому номер двенадцать. Мемориальная доска. В этом доме с 1929 по 1939 год жил Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Тогда путешествие мое заканчивалось здесь, у парадной двери. А дальше... Об дальше, как говорится, не могло быть и речи. Да, где-то там, в недрах подъезда существует ЕГО квартира, но думать о том, чтобы когда-нибудь оказаться в ней, можно лишь как о чем-то заведомо несбыточном, немыслимом, нереальном. Ведь даже обыкновенная мемориальная доска Мейерхольду – по тем временам почти чудо.

Прошло не так уж много лет, и по-прежнему каждый год в день гибели и в день рождения Мейерхольда я спешу сюда. Найти в Москве цветы нынче не проблема, а потому не приходится пробегать через всю Тверскую (бывш. улицу Горького), и, выйдя из метро, я скоро сворачиваю в Брюсовский переулок (бывш. улица Неждановой), к дому номер двенадцать. Открываю знакомую дверь и... смело иду дальше – в квартиру, бывшую и остающуюся ЕГО квартирой.

Теперь это уже традиция. Второго и десятого февраля здесь собирается множество людей: те, кто знал Мейерхольда, те, кто хотел бы узнать о нем. Ее владелец – Театральный музей имени Бахрушина делает даже невозможное, чтобы так было всегда. Валентин Плучек, Евгений Самойлов, Зиновий Гердт, для которых эти стены – часть жизни. И тут же молодые, для кого, быть может, они тоже станут частью жизни. Гостей встречает не знающая усталости Мария Алексеевна Валентей.

Как-то, отвечая на вопрос, кем, по его мнению, будет внучка, Всеволод Эмильевич сказал: "Маша? Маша будет душой общества". Как в воду глядел. Мария Алексеевна – душа всего нашего, ох какого пестрого, общества и душа этого дома, откуда не хочется уходить.

Когда почти пять лет тому назад мы впервые входили в квартиру, кто-то опасался: мол, тяжкая, зловещая должна быть в ней атмосфера. Казалось бы, правда. Ведь свершившееся здесь чудовищное убийство Зинаиды Райх даже тогда, на фоне конца тридцатых, заставило Москву содрогнуться. Но нет. Не хочется отсюда уходить. Все страшное улетучилось, испарилось. А осталось и пребудет что-то, чему трудно дать название, не сбившись на патетический тон. Спрячусь-ка за чужую спину. Некогда один молодой человек, впервые оказавшись в гостях у Всеволода Эмильевича и проведя с его семьей целый день, ночью не мог заснуть и написал целую "оду".

... Если луч ударяет по льду,
Растопляется, плачет лед.
Я узнал семью Мейерхольда,
И по-новому сердце живет...

Сентиментально, выспренно, но ведь и иронично. А главное – точно. Во всяком случае, мне кажется, что те, кто собирается у Мейерхольда сегодня, чувствуют себя так же. Впрочем, кто знает?

Однако здесь не только пьют чай и вспоминают. В музее-квартире Мейерхольда работают и смотрят в будущее. Москва, Брюсовский, двенадцать. Этот адрес знают во всем мире. Научные симпозиумы, режиссерские конференции, мейерхольдовские чтения – и квартира гудит двунадесятью языками. Да только здесь не Вавилон, здесь понимают друг друга.

В этом году в день рождения Всеволода Эмильевича гостей собралось как-то особенно много, в знаменитой "желтой" гостиной было тесновато. Герой нынешнего февраля – мейерхольдовский "Маскарад". Причудливые, полные тайны маски венецианского карнавала, на стенах эскизы пленительного Александра Головина, тут же, рядом, так, что можно дотронуться (дотронуться!) подлинные костюмы, недавно подаренные музею Александринским театром. Чужими, неуместными поначалу показались рядом с ними громадный японский телевизор, видеомагнитофон, еще какая-то аппаратура. Но как к месту пришлись они на самом деле! Слайд-фильм по эскизам и фотографиям из "Маскарада" – яркие краски, четкие линии. Юрьев-Арбенин и Ахматова, читающая "Поэму без героя" – ясные, завораживающие голоса.

Старое и новое, давнее и современное, ушедшее и только лишь прорастающее – в этом, пожалуй, лейтмотив вечера. И достойным завершением его стало вручение (уже во второй раз) прошедшим строгий конкурс студентам-режиссерам стипендии, учрежденной Центром имени В.Э.Мейерхольда. Радовались студенты, радовались мы.

А после, как всегда, пили чай с пирогами – сотрудники музея этим славятся. Внезапно погас свет, погас только в нашей квартире, и никто не мог объяснить, почему. Мы не удивлялись, помня, в чьем доме находимся. Шутили, смеялись.

Словом, нам было хорошо у Мейерхольда.

Наталия ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.

79